

О. Н. СМОЛИН

ТРИ ТРАГЕДИИ РОССИЙСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Демократия перед теми, кто к ней относится серьезно, ставит почти неразрешимые проблемы, а для тех, кто ее ненавидит, открывает почти неограниченные возможности.

Вацлав Гавел

Главное отличие демократического режима от авторитарного состоит в том, что при последнем народ расплачивается за чужие ошибки, тогда как при первом — за свои собственные.

Автор

К ЧИТАТЕЛЮ

Уважаемый читатель! Книга, которую Вы держите в руках,— второе издание подобного рода в научной и политической биографии автора. Первым был научно-публицистический сборник «Куда несет нас рок событий», изданный в 1995 г. и включивший в себя главным образом возможные сценарии обозримого будущего России и прогнозы вероятности их реализации, которые были выполнены автором в конце 80-х — начале 90-х гг. К несчастью, эти прогнозы в большинстве своем сбылись, а в чем-то действительность превзошла даже самые тревожные предположения. При сравнении двух изданий бросаются в глаза следующие обстоятельства.

Во-первых, подобно первой, вторая книга не написана специально, но составлена из материалов, частью опубликованных, а частью сохранившихся в личном авторском архиве.

Во-вторых, как и первая, она для нашего времени, скорее, исключение, чем правило: в отличие от своих предшественников, склонных к многотомным изданиям речей и статей, большинство известных политических лидеров новой волны обществу и самим себе в конце 80-х гг. предпочитали не напоминать, о чем говорили в их начале, а в конце 90-х гг. не любят вспоминать, о чем писали в конце 80-х и тем более, что делали в начале последнего десятилетия XX в. Автор решился во второй раз нарушить неписанный императив «смутного времени» не только потому, что его позиция по вопросам демократии, как, впрочем и по остальным, за последние десять лет кардинально не изменилась, но главным образом для того, чтобы еще раз напомнить обществу о его собственных демократических устремлениях конца 80-х гг., пусть даже в чем-то они кажутся сейчас наивными.

В-третьих, подобно сборнику «Куда несет нас рок событий», «Три трагедии российской демократии» — отражение настроений не отдельного человека, но целой общественной группы, которую можно было бы охарактеризовать как часть российской интеллигенции левой, демократической ориентации (на Западе иногда употребляют термин «несталинистские левые»). Эта группа активно поддержала реформы М. Горбачева, однако оказалась в оппозиции Б. Ельцину и его «команде»

вскоре после их прихода к власти.

В-четвертых, эта книга, как и предыдущая, может служить своего рода пособием по проблемам становления современной российской политической системы и в целом по проблемам российского политического процесса конца 80—90-х гг.

Наконец, в-пятых, подобно предшественнику, настоящий сборник материалов может рассматриваться и как политический отчет перед избирателями депутата трех парламентов, трижды избранного по одномандатным округам. В условиях частичного «прозрения» политической элиты, пересматривающей свое отношение к курсу радикальных «реформ без населения» и к суперпрезидентской Конституции, такой отчет не кажется напрасной тратой времени.

Что касается отличий второй книги от первой, то главные из них сводятся к двум позициям.

Первая — структурированность работы, материалы которой выстроены уже не по хронологическому принципу, но по проблемно-тематическому и разбиты на четыре основных раздела:

демократические интенции в СССР конца 80-х годов: модели и пределы;

манипулирование народом посредством самого народа: плебисцитарная демократия как главный механизм эскалации авторитаризма;

Президент и парламент в условиях новейшей российской революции: свертывание представительной демократии и формирование авторитарно-демократического режима;

демократические левые в современной России: генезис и крушение проекта.

Второе отличие заключается в том, что научно-публицистическим статьям, собранным в работе, предшествует развернутое теоретическое введение, в котором излагаются взгляды автора на вопросы демократии в «переходном обществе». Тем самым читателю представляется судить, насколько практическая деятельность политика (а публикации в печати, равно как и парламентские выступления для политика — это практическая деятельность) соответствовала научной парадигме исследователя.

Хочу надеяться, что идеалы народного самоуправления, подлинной демократии, дискредитированные теми, кто в России 90-х гг. незаконно приватизировал не только львиную долю собственности, но и право именоваться демократами, рано или поздно обретут новую жизнь и миллионы достойных сторонников.

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

ПРОБЛЕМА ДЕМОКРАТИИ В ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОЙ РОССИИ: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ *

* ПЕРВЫЙ ВАРИАНТ ОПУБЛИКОВАН: АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ. УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ.— ОМСК: ОМСКОЕ ВЫСШЕЕ ТАНКОВОЕ ИНЖЕНЕРНОЕ УЧИЛИЩЕ, 1991.

1. Демократия: интерпретация и тенденции

Проблема демократии является одной из наиболее актуальных для современного общества вообще, для России — в частности по целому ряду причин.

Во-первых, исторический опыт второй половины XX в. показал, что страны с демократическими режимами, как правило, добиваются больших экономических успехов, чем страны с режимами авторитарными. Это связано с тем, что именно демократия создает наилучшие условия для проявления инициативы, без которой невозможно эффективное производство.

Во-вторых, правительства стран с демократическими режимами обычно совершают меньше ошибок в управлении, не говоря уже о злоупотреблениях властью и преступлениях против личности. Другими словами, демократия — это своеобразный защитный механизм общества от узурпации власти. Не зря говорят: власть развращает, абсолютная власть развращает абсолютно. Демократия не всегда способна выполнить эту защитную функцию. В условиях кризисов дают сбои и демократические механизмы, однако в развитых странах это все же исключения из правила.

В-третьих, для современного человека демократия все более становится самостоятельной ценностью. Люди не хотят быть колесиками и винтиками какой бы то ни было, пусть даже хорошо отлаженной системы, предпочитают сами решать свои проблемы хотя бы и ценой ошибок.

В-четвертых, в России проблема демократии стоит особенно остро, поскольку страна, по-видимому, переживает начало длительного и сложного периода формирования демократических форм правления, — периода, который обычно сопровождается попытками установления авторитарных режимов как леворадикального (неосталинского) толка, так и правого (неопиночетовского) характера. Ситуация осложняется очень широким распространением в массовом сознании стереотипов авторитарно-патриархальной культуры, выработанных историей России в досоветское и советское время.

Термин «демократия» (в переводе с греческого — народовластие) весьма многозначен. В современной социологии и политологии им обозначается: а) форма государства (прежде всего такие ее элементы, как форма правления и политический режим); б) принцип организации политической жизни и политических институтов, обеспечивающий активность и равноправие участников; в) те виды социальных движений, которые в политическом спектре занимают позиции левее либерализма, но не имеют четкой социалистической ориентации. Термины «право» и «лево» употребляются здесь в общепринятом в политической науке всего цивилизованного мира значении: «право» означает ориентацию на большее социальное неравенство, «лево» — на большее социальное равенство. При таком подходе либералы оказываются в центре политического спектра, социал-демократы, а тем более коммунисты — левее, неоконсерваторы — правее, неофашисты занимают крайне правые позиции.

В справочной и популярной литературе, не говоря уже о публицистике, часто встречаются упрощенные определения демократии, к которым следует относиться критически. В качестве примера можно привести следующее определение: демократия — «форма государственного устройства, при котором осуществляется правление народа» (Современная западная социология. Словарь. — М.: Политиздат,

1990. С. 82).

Определение это неудачно, как минимум, по трем позициям: во-первых, понятие «форма государственного устройства» в политической науке прочно закрепилось за территориальным или национально-территориальным устройством государства; во-вторых, демократия, за редким исключением,— это власть политической элиты, т. е. власть почти всегда от имени народа, иногда — для народа, но почти никогда — самого народа; в-третьих, «правление народа», т. е. непосредственное управление всем народом, вообще проблематично и возможно разве что в гипотетическом будущем.

Избегая упрощений, в качестве рабочей гипотезы можно принять следующее определение: демократия — одна из форм государственной власти (типов политического режима), которая характеризуется официальным признанием: 1) народа в качестве источника власти; 2) принципа подчинения меньшинства большинству; 3) политической свободы и равноправия граждан.

Изучение политической истории позволяет сделать два вывода по проблеме соотношения демократии, с одной стороны, социальной и экономической эффективности системы — с другой.

1. На различных этапах исторического развития более жизнеспособными и эффективными оказываются то более, то менее демократические политические системы. Прямой связи между двумя этими переменными не существует. Так, античные демократии одерживают победу над восточной деспотией персов, однако вслед за этим проигрывают монархии Александра Македонского. Спустя две с половиной тысячи лет в конце 30-х — начале 40-х гг. XX в. европейские демократии одна за одной проигрывают войну гитлеровскому тоталитаризму, но спустя несколько десятилетий выигрывают экономическое соревнование у гораздо более жизнеспособных авторитарных режимов в Советском Союзе и Восточной Европе.

2. Тем не менее, по крайней мере в новое и новейшее время среднестатистически, в крупном историческом масштабе, демократические политические системы оказываются более жизнеспособными, нежели антидемократические. Эту ситуацию отражает известная формула У. Черчилля, согласно которой демократия — это плохая форма управления, но ничего лучшего человечество еще не придумало. О причинах, вызывающих к жизни эту закономерность, говорилось выше в связи с актуальностью проблемы демократии.

В целом решение проблемы «эффективность — демократия» аналогично решению проблемы «эффективность — социальная справедливость». Демократические политические системы в среднем, в тенденции, по большому счету эффективнее. Однако в каждом отдельном случае обществу приходится искать оптимальную меру демократии, тот ее уровень, который оно может себе позволить. Поэтому в новое и новейшее время в целом преобладает демократическая тенденция. Но развитие общества и в этом отношении происходит циклично, волнообразно. Так, согласно одному из американских исследований, мир пережил — если перефразировать терминологию Н. Д. Кондратьева — три длинные волны демократических колебаний.

Первая началась в середине XIX в. и продолжалась до первой мировой войны. В результате введения выборности и расширения избирательных прав к этому

времени на Земле насчитывалось около 30 государств с демократическим режимом. В период между двумя мировыми войнами волна «отхлынула», что выразилось, главным образом, в формировании тоталитарных режимов (Муссолини, Гитлера, Сталина и др.). К 1942 г. на планете осталось около 15 государств с демократическими режимами.

Вторая волна началась после разгрома гитлеровской Германии и самурайской Японии и продолжалась до середины 70-х гг. Ее откат приходится, условно говоря, на десятилетие — 1975—1985 гг.

С середины 80-х гг. начинается новый «прилив» демократии, и в настоящее время, по оценкам американской организации «Фридом Хаус», при демократических режимах живут не менее 70 % землян — абсолютный мировой рекорд всех времен и народов. Разумеется, можно спорить о критериях деления государств на демократические и недемократические, выбранных «Фридом Хаус», еще больше — о ее праве вынесения «приговора» по этому вопросу. Однако сама тенденция последнего десятилетия отражена, по видимому, верно.

Вместе с тем западные политологи в большинстве своем отмечают, что демократия — явление хрупкое и не существует абсолютных гарантий ее сохранения даже в развитых странах Запада, не говоря уже о странах с переходной экономикой или третьем мире. Согласно логике циклического развития, на смену демократическому «приливу» должен прийти «отлив». При этом вполне возможно, что в настоящее время он уже начался.

2. Некоторые концепции демократии и опыт России

Основания типологизации

Известные в истории формы реализации демократической модели управления отличаются большим разнообразием. Однако еще более разнообразны концепции демократии, которые могут классифицироваться по самым различным основаниям: от научных парадигм до политической ориентации авторов.

В зависимости от преобладающей ориентации на прямую или представительную демократию можно выделить две большие группы теорий: 1) идентиторные, плебисциторные (чаще говорят — плебисцитарные); 2) репрезентативные (представительные).

Первые ориентируются непосредственно на волю народа и общественное благо, отвергают легитимность конфликта интересов. При этом предполагается, что воля народа выражается непосредственно на народных собраниях или в результате всеобщего голосования, а реализовать ее может не обязательно сам народ, но уполномоченный им вождь или партия.

Вторая группа теорий понимает демократию как компетентное и ответственное перед народом представительное управление. При этом в парламентской демократии видят защиту от сиюминутных массовых настроений и увлечений, иррациональных и эгалитарных (уравнительных) тенденций массового сознания. Эффективность управления связывается с разделением труда и компетентностью специалистов (Подробнее см: Политология. Учебное пособие / Под общ. ред. Ю. А. Северова. Часть I.— Тула, 1994. С. 79).

Другая классификация теорий демократии основывается на различиях в

понимании ее центральной проблемы: субъект или механизм (Мигранян А. Демократия в теории и исторической практике.— Коммунист.— 1990. № 1. С. 33—37).

1. Концепции, для которых главным является вопрос о том, кто правит. Родоначальником таких концепций принято считать Платона, который дал следующую классификацию политических форм: царская власть — правление одного; аристократия — правление небольшой части лучших и благородных; демократия — правление всех свободных граждан. Исторический парадокс состоит в том, что к этой группе концепций склонялись как аристократические мыслители, так и наиболее радикальные демократы. Первые (от Платона до Ортега-и-Гассета) требовали ограничения прав «черни», которая губит общество; вторые же во имя демократии для народа считали необходимым ограничение прав высших классов (французские революционеры — якобинцы, революционное крыло социалистов-утопистов, Чернышевский и Добролюбов — в России). Для радикальных демократов основной ценностью было равенство, во имя которого они готовы были в чем-то поступиться индивидуальной свободой.

2. Теории, главным для которых является вопрос о том, как осуществляется управление, как функционирует власть, правит ли закон и одинаков ли он для всех. По политической принадлежности это, главным образом, — либеральные концепции демократии. Здесь основной ценностью признается индивидуальная свобода, «свобода от»: от вмешательства государства в экономику, в частную жизнь человека и т. п. Другие характерные ценности либерализм — индивидуализм и неотчуждаемые права. Именно в рамках либерального направления были разработаны концепции «естественных прав человека» и правового государства, ставшие элементами классической теории демократии. (Таким образом, в СССР, а затем в России, в условиях кризиса оказались перевернутыми представления не только о правых и левых в политике, но так же о либерализме и демократии: отечественные «радикальные демократы» — на самом деле по современным западным понятиям — неоконсерваторы; напротив, действительными радикальными демократами являются те, кто стремится создать гарантии участия в управлении для наименее обеспеченных слоев граждан).

Принципы классической теории демократии остаются основополагающими для функционирования политических систем в наиболее развитых странах Запада. Однако созданная на основе этих принципов модель управления обществом — это отнюдь не некий идеал, а, скорее, наименьшее зло. Уже в XIX веке классическая теория демократии подвергалась критике как со стороны правых либералов, так и со стороны левых радикалов. Первые (например, Алексис де Токвиль), опираясь на опыт революций, справедливо утверждали, что торжество воли большинства отнюдь не всегда совместимо с индивидуальной свободой, и может рождать не меньший деспотизм, чем власть тирана. Вторые не менее справедливо обращали внимание на то, что в обществе, разделенном на полярные социальные группы, политическое равноправие не может быть реальным, что политические преимущества неизбежно получают группы, обладающие экономической властью, и что демократия в таких условиях по существу представляет собой лишь форму легитимации (узаконивания) власти той или иной элиты.

Наконец, третья классификация теорий демократии напрямую связана с их

политической ориентацией. В этом плане наиболее популярными в настоящее время являются либерально-плюралистические, консервативно-элитарные концепции и концепции демократии участия (партисипаторной или партиципаторной демократии).

Плюралисты исходят из того, что современное общество разделено на множество социальных групп, в которых формируются политические интересы, отражаемые соответствующими политическими организациями. Широкие массы граждан индифферентны (безразличны) в политическом смысле и не стремятся к непосредственному выполнению властных полномочий. Для них несравненно легче избрать правителей, чем заниматься поисками ответа на политические вопросы. Общие черты плюралистических концепций можно представить следующим образом:

признание заинтересованной группы центральным элементом демократической политической системы, гарантирующим реализацию интересов, прав и свобод личности. Сама личность при этом оттесняется на второй план, хотя и не отрицается ее статус как первичного субъекта власти;

рассмотрение соперничества и баланса групповых интересов как социальной основы демократической власти, ее динамики;

узаконивание «разумного эгоизма», личного и группового интереса как генератора политики;

значительное расширение сферы деятельности государства, рассмотрение его как арбитра, сохраняющего равновесия соперничающих интересов;

трактовка множественных, плюралистических элит как главного проводника влияния масс на политику;

забота о формировании демократической культуры как условие цивилизованного характера борьбы интересов и безболезненного разрешения функциональных конфликтов (Пугачев В. П. Основы политологии.— М., 1992).

Элитаристы исходят из представления о том, что политическое неравенство является одной из необходимых основ любой общественной структуры. Демократию как народовластие они считают мифом, поскольку народ к самоуправлению не способен, а его непосредственное вмешательство в политику разрушает структуры управления. Вместо правления народа элитаристы предлагают концепцию правления, одобряемого народом, роль которого сводится к выбору одной из конкурирующих элит, представленных политическими партиями. Демократия, по мнению элитаристов, обеспечивается не широтой участия масс, а активной конкуренцией элит при минимальной активности граждан. От концепции плюралистов этот подход отличается тем, что ориентируются на сужение круга лиц, допускаемых к «таинству» управления. Ориентация концепции откровенно правая.

Сторонники партисипаторной (партиципаторной) демократии, или «демократии участия», по политическим ориентациям принадлежат к левым реформистам разных мастей — от левых либералов до реформистов-коммунистов. Для них современная западная демократия отнюдь не идеал, но объект реформирования. Смысл реформ состоит в том, чтобы обеспечить более широкое участие народа в управлении обществом. Для этого предлагается:

1) сочетание прямой и непосредственной демократии. Демократия

представляется в виде пирамиды, основанием которой служит прямая демократия (выборы и самоуправление), а на каждом уровне выше основания представлена демократия делегатов;

2) контроль за всеми органами власти со стороны общественности;

3) опора парламентских фракций и комитетов на массовые общественные движения, привлечение представителей этих движений к разработке законопроектов и решений исполнительной власти;

4) доступность общественным движениям средств массовой информации, которые, по мнению сторонников концепции, как раз и позволяет заменить традиционную представительную демократию «демократией участия»;

5) развитие самоуправления на уровне районов, трудовых коллективов, общественных движений.

Среди всех приведенных именно концепция партисипаторной демократии представляется наиболее соответствующей тенденциям развития современного общества.

Марксистская концепция демократии и современность

В настоящее время в России одной из наиболее дискуссионных проблем является проблема «марксизм и демократия». Большинство специалистов соглашаются с тем, что марксизм принадлежал к радикальному крылу радикальной демократии, а Ленин — к радикальному крылу марксизма. В свете исторического опыта основные марксистские идеи по этому вопросу выглядят следующим образом.

Во-первых, для марксизма вообще и В. И. Ленина в особенности было характерно акцентирование классового характера демократии. Марксисты справедливо подчеркивали ее узкие, ограниченные пределы в греческих государствах-полисах, в средневековых феодальных республиках и т. п. Перед современным ему обществом молодой Энгельс очень резко ставил следующую дилемму: либо настоящее рабство, т. е. деспотизм, либо настоящая свобода и равенство, т. е. Коммунизм (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 526—527). Опыт XX в. не опроверг необходимости классового подхода к демократии, однако показал, что по мере роста уровня производительных сил и культуры доля общечеловеческих функций в деятельности политической системы повышается. В наиболее развитых странах Запада современное социальное государство достаточно активно занимается регулированием экономики, в значительной мере берет на себя осуществление социальных гарантий для малообеспеченных и т. п. К. Маркс и В. И. Ленин не то, чтобы не видели подобных явлений, но не придавали им существенного значения потому, что в XIX — начале XX в. такие тенденции проявились слабо, отчасти именно из-за радикализма своей политической позиции. Суть ее четко выражена в ленинском положении о том, что демократии, которая возникла при частной собственности, цены придавать не следует (Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 39. С. 200.) Во-вторых, классовым подходом определялась противоречивая оценка марксистами роли демократии в условиях капитализма. С одной стороны, эта демократия признавалась безусловным прогрессом, поскольку она дает личности политические свободы и, в частности, позволяет лучше организовать рабочему классу. В этой связи теоретики

марксизма всегда предпочитали более демократический режим менее демократическому, а демократическую республику считали лучшей политической формой для перехода к социализму, демократии трудящихся (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 237).

С другой стороны, буржуазная демократия признавалась неподлинной, обманом народа, современным аналогом греческих рабовладельческих республик. К. Маркс не раз говорил о хлеве буржуазного парламента, о парламентском кретинизме, о том, что угнетенным раз в несколько лет позволяют решать, кто именно из представителей господствующего класса будет в парламенте представлять и подавлять их (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 17. С. 344). Такая жесткая критика обосновывалась обычно двумя аргументами.

Первый: в условиях капитализма правящая элита применяет обычно мелкие изъятия, ограничения избирательных и других прав, которые в совокупности выталкивают бедноту из политики. В настоящее время в ряде стран Запада такие ограничения сохраняются: например, ценз оседлости «работает» против бездомных и безработных, ценз грамотности — против не имеющих возможности получить образование и т. п. Однако опыт наиболее передовых стран убедительно доказывает, что без подобных ограничений современная западная демократия вполне может обойтись.

Второй аргумент: высокий уровень социального неравенства, характерный для капитализма, превращает политическое равенство в фикцию. В этом отношении ситуация на современном Западе тоже существенно изменилась: сформировался мощный средний класс, который может позволить себе участие в политике, уже не столь отчужден от нее; неравенство активного права, права избирать стало гораздо меньшим. Однако для того, чтобы быть избранным на сколько-нибудь высокий пост, по-прежнему требуются значительные суммы денег. Зарубежная политическая социология убедительно показывает, что, как правило, среднестатистически, победа на выборах определяется именно финансовыми затратами. Скажем, минута телевизионного времени в Соединенных Штатах обходилась кандидатам в Президенты на последних выборах не менее ста тысяч долларов. Чтобы позволить себе подобные затраты, очевидно, надо быть либо финансовым магнатом, либо опираться на поддержку «большого бизнеса». Не случайно отцу братьев Кеннеди приписывается высказывание такого рода: «с деньгами, которые затрачены на Джона, можно избрать в Сенат собственного шофера».

В этой связи неубедительной представляется популярная точка зрения, согласно которой современная западная демократия уже совершенно утратила классовый характер и представляет собой демократию вообще. Несмотря на расширение социальной базы государства на Западе и его успехи в создании социальных гарантий для неимущих, основную роль в политической жизни продолжает играть экономическая элита. Именно поэтому западные политологи, начиная с В. Парето и Г. Моска, вообще доказывали, что современная (в терминологии марксистов — буржуазная) демократия сводится к праву выбора элиты, представляет собой форму легитимации ее власти. Не случайно политическая наука Запада, включая левых либералов, социал-демократов и других теоретиков левого направления, продолжают искать пути ослабления влияния социального неравенства на

политическую сферу, искать механизмы, позволяющие представить в политической жизни интересы разных слоев, в том числе и малообеспеченных.

В итоге классическая марксистская политология приходила к выводу о том, что демократия представляет собой наилучшую политическую оболочку капитализма как с точки зрения рабочих, так и с точки зрения буржуа. Она позволяет реализовать лучший из двух возможных способов политического господства, а именно: манипулирование сознанием масс без применения в обычных условиях прямого насилия. Поэтому демократия представляет собой правило для высокоразвитых капиталистических стран, авторитарные режимы — исключение из правила. Последующие исторические события показали, что именно демократический и, как иногда выражаются, «социализированный» капитализм оказался способным выиграть экономическое соревнование у административно-бюрократического социализма, тогда как фашистский вариант капитализма потерпел полное поражение.

Итак, в отношении демократии при капитализме основные элементы марксистской концепции во многом сохраняют свое значение, хотя она безусловно нуждается в корректировке соответственно изменившимся условиям. Иначе обстоит дело с марксистским прогнозом развития демократии при переходе к новому обществу. Суть этого прогноза такова:

1. В переходный период — установление диктатуры пролетариата, которая предполагает расширение демократии для трудящихся и ее ограничение для представителей бывших эксплуататорских классов.

2. В социалистическом обществе — сохранение государства как органа, охраняющего остатки социального неравенства, как говорил Ленин, буржуазное государство без буржуазии.

3. С исчезновением классов при переходе к коммунизму — отмирание государства, а значит и демократии как политической формы (Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 43. С. 90—91, 99).

Наиболее острым остается вопрос о диктатуре пролетариата, по которому в современной политической теории представлены три основные позиции.

Первая из них — ортодоксально-коммунистическая. Ее разделяет, например, марксистская рабочая партия — партия диктатуры пролетариата. Правда, установление диктатуры пролетариата мыслится не в форме прямого захвата власти, а через пропорциональное представительство различных социальных групп в Советах (такое представительство дало бы примерно 60 % мест рабочим). Опыт СССР и других стран административного социализма показывает, что диктатура пролетариата легко может переродиться в диктатуру бюрократии.

Вторая позиция — либеральная. Суть ее в том, что любая диктатура тяготеет к универсальности и длительности насилия, и потому идея диктатуры пролетариата изначально ошибочна и порочна. Привлекательной стороной позиции является ее гуманистический пафос, однако мировая история практически не имеет опыта смены общественных формаций (или, на языке западной социологии, типов социетальных систем) без установления авторитарных режимов той или другой формы, в той или иной степени. Не случайно в России к авторитаризму все больше склоняются политики, осуществляющие новейшую революцию, т. е. изменение самих основ общественного строя.

Третью позицию занимают левые партии демократической ориентации как на Западе, так и в России. Суть позиции в том, что идея диктатуры пролетариата в свое время имела историческое оправдание, но ныне уже устарела. В доказательство приводится изменение социальной структуры стран Запада и повышение ценности личности и ее свободы в общественном сознании наиболее цивилизованных стран.

Плебисцитарная теория демократии

Термин «плебисцит» может быть переведен с латинского как принятие решения посредством всенародного голосования. Широкое использование этой процедуры и составляет главную особенность плебисцитарной теории демократии.

Практика плебисцитарной демократии берет в античных полисах, где важнейшие решения по вопросам государственной и общественной жизни принимались на народных собраниях голосованием всех граждан. В Европе XX в. плебисциты неоднократно использовались для решения вопросов территориального размежевания (например, отделение Норвегии от Швеции).

В настоящее время классической страной плебисцитарной демократии считается Швейцария, где референдумы проводятся регулярно и подразделяются на три основных вида:

- 1) обязательные — если вновь принятый Закон затрагивает Конституцию страны;
- 2) условные, которые могут проводиться по любому Закону в течение 3 месяцев со дня его принятия, если в поддержку референдума удастся собрать определенное количество подписей;
- 3) совещательные, которые проводит Правительство или парламент, когда нет уверенности в поддержке большинством населения того или иного законопроекта, либо когда хотят заручиться поддержкой этого большинства.

Своеобразный вариант теории плебисцитарной демократии разработал знаменитый немецкий социолог и политолог Макс Вебер. Согласно Веберу, сложные общественные системы XX в. значительно больше, чем прежде, нуждаются в управлении и потому переживают новый виток бюрократизации. Бюрократизация общества, с одной стороны, позволяет поднять профессионализм и компетентность управленческих кадров («рациональная бюрократия»), а с другой стороны, может приводить их (управленцев) к всевластию, тормозящему необходимые преобразования, и тем самым — к окостенению общественных структур.

Спасение от бюрократии Макс Вебер видит в плебисцитарном харизматическом лидере, который один только и способен защитить граждан от ее всевластия, а в необходимых случаях — обеспечить прорыв на пути реформ. Поскольку понятия типа «народный суверенитет», «народовластие» и т. п., согласно Веберу, утопичны, немецкий политолог предлагает следующий механизм реализации демократической процедуры: народ выбирает лидера, которому доверяет; после этого лидер говорит: «А теперь замолчите и подчиняйтесь мне!» Ни народ, ни партии не должны вмешиваться в то, что он делает. (Подробнее см.: Мигранян А. М. Плебисцитарная теория демократии Макса Вебера: временный политический процесс // Вопросы философии.— 1989.— № 6. С. 148—158). Очевидно, что такого

рода «демократия» отличается от авторитарного режима лишь способом установления.

Оценивая теорию и практику плебисцитарной демократии, современная политическая наука отмечает, что эта система может более или менее успешно функционировать лишь при определенных условиях.

Первое из них — общественная стабильность. В обстановке высокой социальной напряженности, а тем более глубоких политических и экономических кризисов, немногие граждане способны сохранить здравый смысл и делать свой выбор осознанно. Не случайно именно в момент кризиса уравновешенные, добропорядочные и педантичные немцы отдали предпочтение Гитлеру и его партии, а страна древней культуры — Грузия — вполне законно избрала своим Президентом Звиада Гамсахурдиа, от которого потом избавилась лишь в результате малой гражданской войны.

Второе условие — развитие демократической традиции. Только лидер, который, что называется, «с молоком матери» впитал уважение к Закону и правам граждан, получив на выборах большую власть, будет воздерживаться от того, чтобы узурпировать ее целиком. Только граждане, воспитанные в тех же традициях, не позволят избранному ими лидеру это сделать. Поэтому такая система успешно функционирует в США, но весьма рискованна в Латинской Америке и государствах бывшего СССР.

Третье условие — сильная политическая оппозиция, имеющая доступ к средствам массовой информации. В противном случае общественное мнение зачастую удастся обработать в направлении, выгодном для власти.

Статистика показывает, что даже при наличии перечисленных условий референдум, как правило, выигрывает тот, кто его проводит. Если же эти условия отсутствуют, плебисцитарная демократия, которая, на первый взгляд, представляется высшим воплощением народовластия, на самом деле дает политической элите широкие возможности манипулирования общественным сознанием. Причем этот вид манипулирования, пожалуй, самый худший, ибо это манипулирование народом посредством самого народа. Нетрудно убедиться, что в бывших республиках бывшего Советского Союза, где увлечение плебисцитарной демократией приобрело чуть ли не повальный характер, ни одного из перечисленных условий нет. Поэтому и результаты референдумов, а равно и прямых президентских выборов, оказываются здесь проблематичными. В одних случаях эти результаты просто игнорируются (например, результаты референдума 17 марта 1991 г. о сохранении СССР); в других — референдумы по одному и тому же вопросу в короткие сроки дают противоположные результаты (например, на Украине 17 марта и 1 декабря 1991 г.); в-третьих — законно избранные таким путем президенты нередко вскоре лишаются власти (Грузия, Азербайджан). Следовательно, требуется осторожность в применении к отечественным условиям плебисцитарной теории демократии вообще, веберовского ее варианта — в особенности.

3. Проблема перехода от авторитаризма

В последние десятилетия XX в. проблема перехода от авторитаризма к

демократии оказалась в центре внимания политиков и политологов. Это следствие, с одной стороны, большого числа попыток такого перехода, осуществляемых или провозглашаемых многими странами, а с другой — чрезвычайной сложности этого процесса, который нередко заканчивается относительными неудачами, а то и полным провалом.

Образцовой страной в плане смены авторитарного политического режима демократическим признается Испания, хотя и в ней не обошлось без попытки государственного переворота, предпринятой частью офицерства. Испанский опыт пакта Монклоа (пакта о гражданском согласии) в последнее время активно пытаются внедрить в России. Специалисты выделяют три основные особенности испанского политического процесса, обеспечившие его положительный результат и весьма сильно отличающиеся от процессов в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе.

Во-первых, постепенность: когда испанский диктатор Франко передал власть королю Хуану Карлосу, а тот, в свою очередь, назначил премьер-министром Адольфо Суареса, это вызвало глубокое разочарование в обществе, поскольку Суарес имел прочную репутацию консерватора; однако Суарес вел реформы хотя и медленно, но неуклонно, что и обеспечило им успех.

Во-вторых, законность: основные политические силы Испании договорились о том, что будут действовать на основе существующих законов, как бы плохи те ни оказались; законы, принятые при диктаторе Франко, соблюдались до тех пор, пока не отменялись за-конным же порядком; стремление не соблюдать Конституцию или законы на том основании, что они тормозят реформы, пресекалось; легитимность в ее веберовском понимании не противопоставлялась легальности (законности), а прочно основывалась на ней.

В-третьих, опережение экономических реформ политическими: поскольку экономика в переходный период не подвергалась сколько-нибудь серьезным преобразованиям, а тем более — экспериментам, социальная стабильность в обществе сохранялась, что позволяло реформировать политическую систему в относительно спокойных условиях без больших потрясений.

Характер политического процесса в странах Восточной Европы и бывшем Советском Союзе был совершенно иным: не постепенным, эволюционным, а революционным; основанным главным образом не на легальности (законности), а на революционной целесообразности; не последовательным, а параллельным во всех сферах общественной жизни, что вызвало одновременно экономический кризис, крайнее социальное расслоение, политические потрясения, в ряде случаев — распад государственности, разрушение старых стереотипов общественного сознания и замену их новыми.

Очевидно: испанский опыт в третьем его компоненте в Восточной Европе и России применен быть не мог. В Испании авторитарный режим сменялся демократическим при сохранении типа экономической системы общества (рыночно-капиталистической), в Восточной же Европе и бывшем Советском Союзе главной составляющей процесса стала именно смена общественно-экономической системы. Что касается двух других компонентов испанского опыта (постепенности и законности), то отказ от их использования определялся волей политических элит. При этом революционный характер политического процесса с неизбежностью

породил, как минимум, две его особенности.

Первая — острые конфликты между политическими субэлитами и ветвями власти, особенно вновь избранными президентами и парламентами, конфликты, разрешаемые с помощью политического и военного насилия, включая малые гражданские войны. Исключение из правила составляют либо малые страны с европейским типом политической культуры (Чехия), либо страны с декоративной парламентской властью (Туркменистан, Узбекистан).

Вторая особенность — резкие колебания политического «маятника» сначала в сторону неограниченной демократии и даже охлократии, а затем, как предсказывал еще Аристотель, в сторону нарастания авторитарных тенденций. Проявления этих тенденций — создание в большинстве стран с переходной экономикой суперпрезидентских республик, незаконный роспуск парламентов как «тормоза реформ», продление президентских полномочий путем референдумов, в ряде случаев — ущемление в правах национальных меньшинств, замена выборности всеобщим назначением руководителей исполнительной власти, ограничение роли власти судебной и т. д. и т. п.

Все это доказывает, что, во-первых, существует определенная закономерная связь между уровнем производства культуры и социальной стабильности в обществе, с одной стороны, и уровнем демократии — с другой. Обществу приходится жить «по средствам», имея столько демократии, сколько оно может себе позволить, чтобы не разрушить основ своей жизни. Во-вторых, переход от авторитаризма к демократии осуществляется в разных странах неодинаково, в том числе в большинстве посткоммунистических государств он, по-видимому, будет происходить волнообразно, сопровождаясь периодами реставрации авторитаризма.